

УДК 165:316.7

ГДЕ И КАК ИСКАТЬ ГРАНИЦЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ?

Голубинская А.В.

В данной статье приводятся основания изучения феномена внутренней познавательной идентичности социальных групп. Анализируются основные подходы: социальная психология, в которой данная проблема рассматривается на примере профессиональной деформации, и социология науки, где раскрывается опыт выявления познавательного уклада научных сообществ. Автор ставит вопрос, возможно ли обнаружить общность познавательной деятельности в группах, выделенных по иным принципам. Цель статьи – изложение результатов опыта расширения сфер применения понятия познавательной общности (эпистементалитета). В заключении кратко предложены возможные направления дальнейших исследований и уточнений предложенных результатов.

Ключевые слова: принятие знания, познавательный уклад, познавательная общность, эпистементалитет, эпистема.

WHERE AND HOW TO FIND THE BOUNDARIES OF EPISTEMIC MENTALITY?

Golubinskaya A.V.

This article provides the basis for the study of the phenomenon of internal epistemic identity of social groups. The general approaches are social psychology, which considers the issue on the example of professional deformation, and sociology of science, which reveals the experience of identifying the specific epistemic activity of scientific communities. The author raises the question of whether it is possible to find epistemic social groups identified with different principles. The purpose of this article is to summarise the results of expanding spheres of application of the concept of epistemic identity (epistementality). In conclusion, possible directions of further research and clarification of the proposed results are briefly proposed.

Keywords: acceptance of knowledge, epistemic identity, epistemic mentality, epistemality, episteme.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

Существует два крупных общественно-гуманитарных направления, в которых поднимается вопрос о факторах принятия знания социальным субъектом. Первое из них связывает данную проблему со спецификой профессиональной деятельности субъекта, ставя её в один ряд с понятиями «профессиональной этики» или «профессиональной деформации». Пожалуй, действительно обоснованно допускать разницу в процессах обработки знания в социальных группах, имеющих критическую разницу в структурах повседневной жизни и её «ландшафтах». Воспринимая пространство трудовой деятельности в качестве нормальной среды (среды, соответствующей понятию о норме), вырабатывается некая общность между воспитателями детских садов или между судебно-медицинскими экспертами, и заметная разница между первыми и вторыми. Здесь соприкасаются социальный и чувственный опыт: патологоанатом в процессе освоения профессиональных компетенций отвыкает от общей «нормальности» и принимает за норму то, что вне профессии остаётся неприемлемо, и организм в свою очередь перестаёт реагировать на данные органов зрения как на повод для неприятных переживаний.

Второе направление развивается в рамках философии и социологии науки, а потому рассматривает конкретного субъекта, – учёного. Одно из наиболее распространённых на сегодняшний день понятий, выражающих специфику конкретных социальных групп в работе со знанием – это «культура знаний» или «эпистемическая культура». К. Кнорр Цетина объясняет: «под культурами знаний я подразумеваю познавательный уклад относительно убеждений, скажем, о корректном распространении знания, доступа к нему, том, как с этим знанием нужно справляться, как встроить его в личную и

организационную жизнь» [8, p. 37]. Это направление служит отправной точкой настоящего исследований.

Для начала рассмотрим термин, здесь переведённый как «познавательный уклад». В оригинальном тексте этот отрывок – один из немногих случаев применения странного и крайне интересного авторского понятия «epistementality» (эпистементалитет, эпистементальность). К сожалению, у К. Кнорр Цетины нет исчерпывающего определения, хотя в одной из работ предлагается уравнение «эпистементальности» и «эпистемики», системы связанных со знанием практик, вынесенных из когнитивного контекста в социальный, а также показывающих сам процесс познания [7]. Вместо пояснения она оставляет отсылку к одной из работ М. Фуко, название которой так и не получило адекватного перевода на русский язык. Речь идёт о работе «Governmentality» («властоментальность» по предложению О.Н. Волковой [1], «управленчество» у О. Кильдюшова [2], «правительственность» у Г. Коцыбы [3]). Разумеется, М. Фуко не употребляет термина «epistementality», из чего следует, что читатель должен самостоятельно провести аналогии с фукольдиданским «governmentality». Однако, и ему М. Фуко не предлагает толкования.

Впрочем, термины всё равно остаются понятными, пусть и на интуитивном уровне. Во-первых, они оба образованы от сложения двух корней, второй из которых – ментальность, а первый уточняет область проявления этой ментальности. Оригинальное французское «gouvernementalité» М. Фуко, сложенное из государственного управления и ментальности, включает в единый контекст не только властные действия, но и их логическое объяснение, обоснование, а вместе с тем и строй управленческой мысли [5]. По аналогии, эпистементальность К. Кнорр Цетины связана с социальными установками об истинности и обоснованности высказываний, о процедурах производства, принятия и распространения знания. В действительности, она указывает в качестве одной из своих целей попытки социологического измерения познавательных ситуаций [7, p. 56].

Другая важная деталь – это то, что компонентой этой необъяснённой идеи является также и другой термин археологии знаний М. Фуко, – эпистема, говоря о которой автор поднимал вопрос о возможности точек зрения, знаний и наук, характерных для определенной исторической эпохи [4, с. 14].

В отличие от описанного в начале статьи первого направления, эпистема выводит из фокуса вопрос о взаимодействии разных групп с разными «фрагментами» доступной опыту действительности. Напротив, эпистемы отличаются тем, как явления наделяются смыслом, при помощи какого языка, какой логики, каких схем восприятия, ценностей, методов это происходит. Мышление в рамках одной эпистемы «иноязычно» для другой даже в тех случаях, когда предметом обсуждения являются одни и те же вещи. Попытка обобщения познавательных укладов К. Кнорр Цетины и фукольдианских эпистем выражается в вопросе: возможно ли сузить эти самые эпистемы, исторические коды познавательной деятельности, до уровня единовременно существующих сообществ? Иными словами, можно ли говорить о сосуществовании в единой исторической эпистеме Фуко определённых социальных групп, уточняющих заданные эпохой условия более узкими схемами восприятия, мышления, чувствования и поведения? Поскольку если это возможно, то скорее всего именно в этих группах и устанавливается разница в процессе принятия знания.

Результаты этого опыта можно изложить в виде следующих тезисов:

Тезис 1. В основе познавательной общности лежат скрытые структуры, невидимые правила, определяющие наполнение группового пространства знания конкретными представлениями. Это положение в целом применимо как к историческим эпохам, так и к небольшим социальным группам, в связи с чем оно представляется подходящей отправной точкой. Под скрытыми структурами подразумевается что-то, предшествующее знаниям, при чём это скорее даже не столько какие-то базовые знания, сколько осознанно непереживаемые правила и установки познавательной деятельности.

Тезис 2. Если эти структуры сосуществуют в пределах одной социальной системы, они должны иметь некоторое различие между собой, то есть иметь переменные параметры, благодаря которым это различие логически возможно. Иными словами, исходное положение о структурах уточняет возможности их употребления во множественном числе: каким именно образом следует понимать, где одна из них заканчивается и начинается другая.

Тезис 3. Поскольку различающиеся структуры существуют в одной общей социальной системе, то они взаимодействуют с идентичным набором «информационных раздражителей» (материалом для ваяния социальной общности, набором фактов и событий).

Тезис 4. Поскольку структуры имеют идентичный набор «информационных раздражителей», но результаты его «обработки» в разных группах приводят к разным результатам, то переменный параметр связан с методом их интерпретаций и формирования их фондов представлений.

Отсюда следует, что механизмы появления разницы процесса работы со знанием необходимо искать в интерпретационной, в языковой картине социальных групп, а следовательно – в их дискурсивных практиках, благодаря которым в речевых актах организуются смыслы. Для информационного общества этот тезис понятен и приемлем: бытие субъекта в виртуально-информационной среде отражается в эпистолярной форме, в семантических следах его присутствия. Возможно ли это использовать при оценке процесса принятия знания?

Попробуем сформулировать основные исследовательские вопросы, которые можно задать с позиции такого подхода. Во-первых, подход предполагает анализ речевых практик, посредством которых знание выражается. Это предполагает, что различные социальные группы обладают разным понятийным аппаратом с тезаурусными взаимосвязями, специфическая активность которого определяет ход и результаты процесса принятия знания. Из примеров, лежащих на поверхности, можно предложить референтное

обоснование принятия высказывания в качестве знания, часто используемое в повседневной жизни:

S_q сказал, что p , поскольку j ,

где S является референтным субъектом, q – его качеством, определяющим компетентность, а j – непосредственно обоснованием высказывания p . Так, к примеру, этой формуле соответствует следующее высказывание: «Учитель физики сказал, что спирт и масло имеют разную плотность, поскольку они не перемешиваются в ёмкости, а располагаются слоями».

Во-вторых, подход связан с идеей об эпистемическом доверии, а, следовательно, исходит из отношений, описанных Дж. Хардвигом [6], в которых представления о достоверности строятся на понятии авторитета третьего лица:

x^1 может знать, что p , если обладает доказательствами, что p , но и также если не обладает доказательствами, что p , но верит x^2 , кто, предполагается, обладает доказательствами, что p , но и также если...

Здесь приведена несколько изменённая трактовка, поскольку в оригинале автор рассматривает отношения всего двух субъектов, хотя очевидно, что в действительности, эта цепочка включает в себя огромное количество звеньев, и каждое из них становится началом новой цепи. Однако, независимо от выбранной формы подачи, идея остаётся той же: некто может знать нечто, если обладает доказательствами, но и также если не обладает доказательствами, но верит тому, кто ими обладает.

Используя тот же пример, ситуацию такого доверия можно проиллюстрировать так: некто знает, что спирт и масло имеют разную плотность, если пронаблюдал, что они не перемешиваются в ёмкости, а располагаются слоями, но и также если не пронаблюдал это, но верит учителю, кто, предполагается, пронаблюдал это. Интересно, что данное высказывание включает в себя два частных примера описываемой проблемы: референтное обоснование, «учитель физики сказал, что спирт и масло имеют разную

плотность» (а), и непосредственное обоснование, «спирт и масло имеют разную плотность, поскольку они не перемешиваются в ёмкости, а располагаются слоями» (б). То, как достигается баланс между этими двумя характеристиками, способно отличить «познавательные ментальности» или «маленькие эпистемы» одной группы от другой.

С точки зрения предложенной модели в процессе принятия знания в повседневной жизни субъект балансирует между обоснованием высказывания и доверием к третьим лицам, своеобразно замещающим потребность в обосновании. Предположительно, в различных познавательных ситуациях достаточность достигается по-разному. Наиболее интересным вопросом в этом предположении является вопрос о природе этого балансирования. Существуют ли непереживаемые, неосознаваемые, наиндивидуальные структуры или социальные причины выбора «точки баланса»? Следует ли из каких-либо социокультурных условий «перевес» в сторону доверия или, напротив, к логическому обоснованию? Возможно ли разграничить социальные группы по специфике процесса принятия знания через анализ дискурсивных практик, речевых компонент, выражающих высказывание в качестве знания? Эти вопросы адресуются уже частным, эмпирическим исследованиям, социологическим и психологическим, по результатам которых эта модель может быть доработана.

Список литературы:

1. Волкова О.Н.. Властоментальность: К вопросу об определении объекта исследований // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. №. 2. С. 20-24.

2. Кильдюшов О. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. №. 3. С. 9-32.

3. Коцыба Г. Дисциплинирование Фуко: дискурс-анализ как социология знания [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2009. Вып. 1. Т. 1. URL: <http://bit.ly/2kkwoBC> (дата обращения: 30.07.2019).

4. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

5. Foucault M. Governmentality // *Ideology & Consciousness*. 1979. Vol. 6. P. 5-21.

6. Hardwig J. Epistemic Dependence // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. No. 7. P. 335-349.

7. Knorr Cetina K. Epistemics in society: on the nesting of knowledge structures into social structures / Rural reconstruction in a market economy / Ed. W. Heijman etc. Wafeningen: Agricultural Univ, 1996. P. 55-73.

8. Knorr Cetina K. Knowledge in a knowledge society: Five transitions // *Knowledge, Work and Society*. 2006. Vol. 4. No. 3. P. 23-41.

Сведения об авторе:

Голубинская Анастасия Валерьевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института открытого образования Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Data about the author:

Golubinskaya Anastasia Valerievna – Candidate of Philosophical Sciences, Researcher of Open Education Institute, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: golub@ioo.unn.ru.